

Яков Шехтер

Второе сердце

Похоронив мать, полковник израильского спецназа Арье Куперман возвращался на свою базу. Было ему сорок шесть лет, коротко подстриженные волосы уже начали редеть и налились сединой. Лицо, покрытое плотным загаром много находящегося под открытым небом человека, прорезала тонкая сеточка морщин. Когда полковник улыбался или сердился, кожа натягивалась, и складки, распрямляясь, открывали не загоревшие участки, отчего выражение лица полковника резко менялось.

Он гладко брился и всегда, даже в отпуске, носил военную форму. Ему казалось, будто гражданские свободно свисающие маечки или обширные пиджаки будут казаться нелепыми на его поджарой, высушенной бесчисленными марш-бросками фигуре.

Арье Куперман двадцать лет возглавлял школу спецназа, и сам того не подозревая, превратился в легенду, персонаж фольклорных историй и анекдотов. Особенно изощрялись ученики над его привычкой возглавлять финальный марш-бросок, заменяющий выпускной экзамен. Небольшая группа, добравшаяся до окончания курса, должна была пройти за три дня непрерывного движения больше трехсот километров, постоянно натываясь на всевозможные препятствия и засады. Их заранее готовил лично полковник Куперман и он же, все три дня идя впереди цепочки, задавал темп. Двигался он легко, словно танцуя, и поэтому к нему крепко прилепилась кличка Танцор.

Жил полковник в помещении школы, во временном вагончике, давно ставшим для него постоянным домом. Школа располагалась в центре Самарии, и ночные тревоги часто оказывались совсем не учебными. Он родился и вырос в Реховоте, теннисистом

городке неподалеку от Тель-Авива, там была квартира его родителей, в которой до недавнего времени еще жила мать. Куда бы судьба руками начальства ни забрасывала полковника, ему казалось, будто корень его души по-прежнему пребывает в небольшом салоне, уставленном старой мебелью, возле шкафа со школьными табелями Арика Купермана, альбомами детских фотографий и коробочкой, наполненной молочными зубками. Мать словно отгораживала Арье от ледящей бездны вечности, пока она жила, в цепочке перед ним круглилось еще одно звено. И вот все кончилось.

Он ехал по шоссе, рассекающем Самарию на две половинки, подобно тому, как нож разваливает апельсин, и вспоминал события последней недели. Звонок из больницы не застал его врасплох. Все годы своей самостоятельной жизни он каждый день звонил матери. Исключение составляли только особые задания, на которые запрещалось брать сотовый телефон. Даже во время марш-бросков он не отступал от своего правила; ему нравилось, идя впереди группы изнемогающих от напряжения курсантов, разговаривать с матерью, не задыхаясь, спокойным тоном, так, будто бы он сидел в своем кабинете.

На кладбище его поразила четкость работы похоронной команды. Объявленное заранее начало церемонии не задержалось ни на минуту, и весь процесс оказался до предела лаконичен и четок. Когда он отходил от свежей могилы, один из похоронщиков прикоснулся к его рукаву и спросил:

– Кто будет говорить кадиш? Одиннадцать месяцев, каждый день. Утром, днем и вечером.

Скорбное сочувствие струилось из него, точно вода из переполненного кувшина.

– Не знаю, – ответил полковник. Подробности выполнения ритуала его мало интересовали.

– Есть еще родственники? – продолжил похоронщик.

Полковник остановился, достал кошелек, вытащил, не глядя, несколько крупных купюр и протянул похоронщику.

– Хватит?

Тот быстро, словно само их появление было оскорбительным, схватил протянутые деньги и спрятал в карман.

– Хватит. Я все устрою наилучшим образом. Не беспокойтесь.

За семь дней траура, которые Куперман провел в родительской квартире, сидя на низеньком пуфе, приставленном к стене, перед ним промелькнули, казалось бы, давно ушедшие из его жизни лица. Школьные друзья, с которыми он не виделся десятилетиями, бывшие сослуживцы, ученики, родственники. В его распорядке дня не было места для поддержания отношений и связей, служба заполняла его до самого верха, под пробочку.

Согласно религиозной традиции, все семь дней полагалось сидеть, не выходя из квартиры. Но он не мог столько оставаться без движения и несколько раз во второй половине дня ускользал на прогулку и долго ходил по Реховоту, разглядывая улицы своего детства. Садик, школу, парк с самолетом. Реховот сильно изменился, утратив обаяние маленького городка, а размаха и шика большого города приобрести еще не успел. Почему-то полковнику казалось, что он видит все это в последний раз. Вернее, он догадывался, почему, но отгонял эту мысль, упрятывая ее в дальний уголок сознания.

Началось это несколько месяцев назад, на марше. Не финальном, а одном из промежуточных. Через четыре часа ходьбы полковник с удивлением почувствовал, что не может идти. Во рту пересохло, и его наполнил гнилостный привкус, а в правом боку явственно бился пульс, словно в нем поселилось еще одно маленькое сердце. Пришлось придумать вводную, разворачивать группу в атаку на воображаемого противника, потом разбирать ошибки. В общем – часовой привал. Курсанты были довольны – такой поблажки от неутомимого Танцора никто не ожидал.

Вернувшись с марш-броска, он долго думал, сидя в своем домике и разглядывая плоские разорванные ветром облака, несущиеся над каменистыми холмами Самарии. Из его жизни ушли несколько знакомых, ушли по причине, похожей на ту, которой могла обернуться боль в боку. Он помнил, как они отправлялись в больницы с испуганными, но полными надежды лицами. Отправлялись еще вполне здоровыми на вид людьми, а возвращались на колясках: высохшие, измученные процедурами скелеты. Возвращались лишь для того, чтобы спустя несколько недель снова оказаться на больничной койке. Уже в последний раз.

«К чему эти мучения? – думал полковник. – Беспощадная химия, от которой выворачивает внутренности, уколы, процедуры, обманутые надежды, уклончивые взгляды врачей, сочувствующие лица родственников. Моя жизнь сложилась так, что я никому ничего не должен. Не случилось женщины, согласившейся разделить мои неприятности и порадоваться моим удачам, нет детей, ожидающих поддержки и заботы. Если со мной случится нечто подобное, то я доживу до момента, с которого прекращается нормальное существование, и своими руками поставлю точку».

Гуляя по Реховоту, он несколько раз ощущал знакомое бие-ние в правом боку, а запах гнили то и дело всплывал из желудка, примешиваясь ко вкусу пищи. Смерть не страшила, он сжился с ее близким дыханием, и столько раз наблюдал за ее приходом. Пугали страдания, беспомощность в руках врачей, их холодное профессиональное отношение к живым мучениям тела. Он принял решение и намерен выполнить его. Без колебаний, спокойно, словно выполняя приказ. Оставалось только определить, когда.

Утром, перед тем как выйти из дома, он достал свой сотовый телефон и по памяти набрал секретный номер.

– Кого-нибудь из наших, – попросил он. – Из тех, кто сейчас в квартирном бизнесе. Реховот, Нес-Циона, Ришон.

Получив адрес, он вошел в директорию «Набранные» и вытер номер. Затем поехал к маклеру.

– Доброе утро! – по лицу маклера и тому, с какой скоростью тот выскочил из своего кресла, полковник понял, что узнал. Он оформил документы на сдачу родительской квартиры, не глядя подписал доверенность на имя маклера, отдал ключи и уехал. Полковник знал, что его не обманут.

До базы оставалось минут двадцать езды, когда ожил сотовый телефон, надежно упрятанный в ложе разговорного устройства. Полковник нажал кнопку, и голос командира базы наполнил кабину.

– Танцор, ты где?

– На подъезде.

– Извини, что не даю спокойно войти в курс. Незаконное поселение на горе Гризим помнишь?

– Конечно.

Вопрос был праздным. За двадцать лет полковник промерил собственными ногами каждую тропинку Самарийских гор и мог служить живым справочником.

Поселение представляло собой несколько жилых вагончиков на вершине горы с наспех протянутым электрическим кабелем и шлангом водопровода. Жили в нем шесть или семь семей, и ежу было понятно, что рано или поздно их оттуда выселят. Для создания нормального поселения требовалось решение правительства и огромное количество подписей в разных министерствах. Заниматься бумажной волокитой никто не хотел, поэтому время от времени группки энтузиастов захватывали то там, то здесь вершину горы, затаскивали на нее вагончики, привозили детей и скарб и жили в полевых условиях, иногда довольно долго. В конце концов их все же выгоняли, хотя на памяти Купермана несколько поселений, заложенных таким образом, в итоге получили статус постоянных и уже превратились в довольно большие поселки.

Обе стороны знали правила игры и, стараясь не выходить за когда-то установленные рамки, предавались ей с увлеченной последовательностью идеологически ангажированных людей.

Полковник старался не вникать, кто больше прав, а кто более благороден в этой игре, он вообще держался подчеркнуто аполитично и за всю свою армейскую жизнь ни разу не принимал участия в выборах. Такая позиция позволяла ему спокойно выполнять приказы, не задумываясь о том, какая партия сегодня у власти. Когда же ему приходилось высказываться на эту тему, он всегда припоминал один случай.

Они брали главу подпольной ячейки ХАМАСа в Шхеме. Хасан, мужчина тридцати шести лет, уже успел организовать несколько террористических актов и отправить в Тель-Авив двух смертников с поясами, набитыми взрывчаткой. Жил он в роскошном новом доме вместе с двумя женами и дюжиной детей от этих жен и пока не собирался лично насладиться обещанными утехами семидесяти райских девственниц.

В два часа ночи дом окружили двумя кольцами оцепления. Во внешнем стояли резервисты с приказом стрелять не раздумывая, а во внутреннем разместились курсанты школы Купермана. Прорваться сквозь первое кольцо у Хасана не было ни малейшего

шанса, и второе поставили только потому, что так требовала инструкция. Ведь иногда случается и небывалое.

Полковник вежливо постучал в двери дома. Ответил довольный мужской голос, Хасан, по всей видимости, не предполагал, что его обнаружат, и вел себя как ни в чем не бывало. Конспиривался он тщательно, замечая следы, точно настоящий лис, но в ШАБАКе сидели опытные лисоловы.

– Отопри дверь и выходи, – приказал полковник. – Руки заложь за голову. Стреляю без предупреждения. Понял?

Тишина.

– Дом окружен, если ты не выйдешь сам, я прикажу взорвать дверь.

Прошло минут десять. Куперман подозвал курсанта и велел приготовить гранату. В это мгновение дверь распахнулась, и Хасан в белой галабие, размахивая топором, бросился на полковника. Подбежав почти вплотную, он со всего маху запустил топор в его голову.

Полковник легко присел, пустив топор поверху, и, вскочив, встретил прикладом автомата опускающийся нож. Затем перехватил руку и, используя инерцию Хасана, перекинул его через себя. Когда тело бандита переваливалось по спине полковника, он ощутил динамитные шашки, обвязанные вокруг его пояса. Медлить было нельзя, полковник внезапно подломился, упал на землю, в падении выхватил пистолет и выстрелил прямо в голову Хасана. Пуля развалила ее на куски, кровь и белые ошметки мозга полетели во все стороны и набились в раскрытый рот Купермана.

– Я знаю, что такое вкус войны, – всегда говорил полковник, завершая свой рассказ, – и знаю, как пахнет труп врага. Тот, кто утверждает, будто это хороший запах, – самый отъявленный лжец.

– Так вот, – продолжил командир базы. – Пришел приказ высоту освободить, вагончики убрать, площадку полностью очистить. Я послал туда бульдозер и роту резервистов, а они застряли. Там какая-то бешеная баба свирепствует, орет и плюется. Можешь разобраться, в чем там дело?

– Хорошо, разберусь.

Командир базы в свое время учился у Купермана, и звания был такого же, хоть занимал более высокую должность. Разговаривая

с полковником, он никогда не позволял себе приказного тона, все его указания носили характер просьбы.

Спустя полчаса Куперман добрался до места, выключил двигатель и слегка потянулся, пробуя, на месте ли второе сердце. Оно тут же отозвалось, тихонько тюкнув два раза. Полковник выскочил из машины и подошел к командиру резервистов. Увидев Купермана, тот вздохнул с явным облегчением и принялся рассказывать. Рассказывать, впрочем, было нечего. Вагончики на вершине окружал высокий забор из колючей проволоки, а ворота были заперты на несколько замков. Поселенцы прятались внутри вагончиков. Рядом с забором стоял огромный бульдозер с поднятым ковшем.

– Она мне все лицо заплевала, – пожаловался командир резервистов. – Орет, как сумасшедшая. Я ей говорю, что сам из Маале-Адумим, тоже поселенец, но приказ есть приказ. А она.... – он махнул рукой и еще раз провел пальцами по лицу, словно проверяя, не остались ли на нем капельки слюны.

– У меня, говорит, приготовлена канистра с бензином, если начнете ломать забор – подожгу себя и детей. Просто сумасшедшая и больше ничего.

– Пусть бульдозерист заглушит мотор и вылезет из кабины, – приказал полковник, направляясь к забору.

Стало тихо. Хлопал по ветру огромный израильский флаг, вывешенный на мачте посреди вагончиков, нестерпимо слепило глаза солнце, пересвистывались в низком кустарнике невидимые птицы. Между неплотно сдвинутых жалюзи на окне ближайшего вагончика блестели чьи-то глаза. Полковник приветственно помахал рукой и сделал приглашающий жест. Тишина. Он подождал еще немного и вдруг с необыкновенной ясностью, которая иногда опускается на человека, понял, что смертельно болен и что жить ему остается совсем немного, и что эта тривиальная операция по выселению, возможно, его последнее задание в армии. Он стоял, оглушенный этой мыслью, когда дверь вагончика распахнулась, из него вышла женщина и решительным шагом направилась к полковнику.

Ей было давно за сорок. Волосы скрывала плотно сидящая на голове шапочка, брови почти отсутствовали, щеки слегка подрагивали от ходьбы. Крупный рот увял, хотя четко очерченные

губы еще сохраняли форму, но морщинки уже разбежались вдоль углов и лучились под носом. Фигура женщины напоминала конус, начинающийся от горла. Просторный балахон синего цвета, казалось, только подчеркивал этот конус.

– Как же она, бедняга, выглядит без одежды, – вразлад с предыдущими мыслями подумал полковник. – Родила, наверно, дюжину детей, да и что такое спорт, давно забыла. Если знала когда-нибудь.

Женщина подошла к забору и остановилась напротив полковника. Ее лицо было ему знакомо, он чуть было не сказал: «Привет, как дела?» – но имя, вертевшееся на языке, так и не всплыло из памяти.

– У меня приказ на ваше выселение, – сказал полковник, стараясь нарочито мягким тоном скомпенсировать жесткость слов. – Я прошу вас собрать вещи и покинуть вагончики.

Женщина только улыбнулась.

– А у меня приказ на заселение, – она ткнула пальцем вверх, указывая, откуда получен приказ. – Эту землю Всевышний отдал мне и моим детям. По своей воле мы отсюда не уйдем.

– У вас не найдется стакана воды? – спросил полковник. Этим нехитрым психологическим приемам он обучал своих курсантов. Сбить, увести разговор в сторону, облечь его в одежды бытовой беседы. Разговаривая с противником на привычные темы, невольно перестаешь видеть в нем врага.

– Вы же сами перекрыли воду, – женщина ткнула рукой в черную змею шланга, струящуюся по склону холма.

– Это не мы, – сказал полковник. – Хотя не могу ручаться, я только что приехал из Реховота, еще не успел войти в курс дел. Траур по матери закончился сегодня утром.

Лицо женщины переменилось.

– Хаим! – крикнула она, обернувшись к вагончику. Из него выскочил парень лет двенадцати, похожий на мать, но с более резкими чертами лица.

– Помоги полковнику перебраться.

Хаим вытащил из-за вагончика две лестницы, одну приставил к забору, быстро взобрался на вершину и, перекинув вторую, спустился вниз.

– Прошу вас, – приглашающе кивнула женщина.

Куперман перелез через забор, стараясь не задеть за шипы колючей проволоки.

– Робинзон Крузо, – вдруг вспомнил он прочитанную в детстве книгу. – Просто Робинзон Крузо.

Между вагончиками оказалась уютная площадка с белыми пластиковыми стульями вокруг такого же стола. От солнечных лучей площадку прикрывал тент, сделанный из старого парашюта. Ветерок приятно тянул по стульям.

Женщина уселась на один из них, полковник на другой. Хаим принес из вагончика бутылку запотевшей минеральной воды и одноразовый стаканчик. Полковник налил его до краев и с удовольствием выпил.

– Мне знакомо ваше лицо, – сказала женщина, пристально разглядывая Купермана. – Так вы из Реховота?

– Да.

– А зовут как?

– Арье Куперман.

Женщина всплеснула руками.

– Арик! Б-же мой, это Арик!

Полковник внимательно взглянул на лицо женщины.

– Не узнаешь? Вот дурной! Я Лея. Лея Шахар!

Он еле сдержал вскрик изумления. Да, конечно, это она. Но как изменилась... Кошмар, что с ней стало. Что стало со всеми нами!

– Лея! – он постарался не выдать удивления. – Сколько мы не виделись? Двадцать лет? Двадцать пять?

– Да, что-то около этого. Странно, как до сих пор не встретились!

Лея была королевой его класса. Да что там класса, всей школы, всего Реховота. Не было мальчишки, который не мечтал бы с ней дружить, но с Ариком она компанию не водила. Вокруг нее вились самые красивые и богатые ребята, ему оставалось только вздыхать, разглядывая ее волнующую фигурку во время ответов у доски.

Рыжие, играющие электрическим блеском волосы она укладывала высокой башенкой, под Бабетту, кофточка носила обтягивающие, так, что грудь выдавалась далеко вперед, а разлетающаяся от быстрых движений юбка заканчивалась высоко над коленями. Ее круглые, покрытые светлым пушком икры сводили Арье с ума.

В девятом классе они поехали всей школой в двухдневный поход по Негеву. Арик уже тогда выделялся среди сверстников своей неутомимостью, и к концу первого дня, когда все еле тащились, высунув языки от жары и усталости, он вызвался вскарабкаться на вершину горки, посмотреть, сколько осталось до лагеря. Вид с горки открывался совершенно фантастический: рыжие с фиолетовыми прогалинами холмы, желтые горы на горизонте, черные промоины, оставшиеся от весенних потоков, полностью пересыхающих к началу лета. От восторга он запрыгал, замахал руками, приглашая одноклассников присоединиться. От группы отделилась одна фигурка и поползла по склону. Передвигалась она довольно быстро, и через десять минут рядом с Арье запрыгала от восторга Лея, девушка его снов.

Лагерь с горки не был виден, они поохали еще немного, крутя головами во все стороны, а потом начали спускаться. Их группа тоже двинулась с места, огибая горку.

– Слушай, – предложил Арье, – зачем догонять группу понизу? Давай спустимся с другой стороны.

Они быстро обежали вершину и начали спуск. Через сто метров путь преградила широкая расселина, и пришлось довольно долго идти вдоль нее, потом возвращаться, огибая слишком крутой спуск, потом Лея поскользнулась и минут десять сидела, поглаживая ногу и надув от боли губки. В итоге группы внизу не оказалась. Позднее выяснилось, что инструктор решил, будто эти два резвых козлика поскакали прямо в лагерь, и даже послал вперед парней из одиннадцатого класса изловить беглецов и вернуть обратно. Когда же добрались до лагеря, и выяснилось, что Арье и Лея отсутствуют, инструктор вместе с десятком старшеклассников помчался назад. Поиски продолжались до темноты, но без всякого результата.

Арье и Лея, покричав минут с десять, решили догонять группу. Тропинка раздваивалась, но Арье, внимательно осмотрев местность, обнаружил на правом ответвлении пустую жестянку из-под кока-колы. Банка выглядела совсем свежей, поэтому решили идти направо. На беду ребят, утром по этому же маршруту проходила другая группа, которую в конце ждали джипы, и брошенная ими банка сбила их с правильного направления – в лагерь вела левая тропинка. Через час, когда они вышли на ровное, как стол,

плато, безжизненное на расстоянии взгляда, подозреваемое стало очевидным: заблудились.

Начало темнеть. Ночь в пустыне опускается стремительно; не успело солнце скрыться за вершинами гор, как наступила темнота.

Хорошо еще, что до окончательной мглы они успели отыскать ложбинку, выложить вокруг нее двойной ряд камней для защиты от змей и забиться в расщелину, тесно прижавшись спинами друг к другу. Допили остатки воды из фляги и стали смотреть на глубокое черное небо, осыпанное холодно мерцающими звездами. В городе небо было совсем другим.

Конечно, утром их найдут. Максимум пригонят из Беер-Шевы полицейский вертолет и быстро отыщут. Главное – продержаться до утра. Все-таки пустыня: змеи, шакалы, да мало ли что...

Лея держалась довольно бодро, но когда из глубины ночи донесся отдаленный вой, она, взвизгнув, обернулась к Арье и прижалась к нему всем телом. Не веря своему счастью, он нашел ее губы и прильнул. Лея ответила на поцелуй. Она оказалась куда опытнее Арье и быстро взяла инициативу в свои руки. Он и не подозревал, сколь многое можно сделать с двумя телами.

Когда начало светать, и черные контуры гор проступили на серой замше горизонта, ему показалось, будто он спит и видит чудесный невозможный сон. Лея лежала рядом, ее волшебные рыжие волосы, рассыпавшиеся от возни, касались его плеча. Арик приподнялся и опустил голову на ее грудь.

– Уйди, дурной! – засмеялась Лея. – Давай поспим хоть немного.

Он не соглашался, продолжая целовать ткань кофточка, пьянея от запаха ее тела.

– Вот же долгоиграющий! – Лея легонько стукнула его по затылку, а затем взъерошила волосы. – Неутомимый, безудержный, дурной, дурной, дурной...

Вертолет не потребовался, бедуинские следопыты, вызванные из батальона пограничников, охраняющих границу с Египтом, обнаружили их через два часа. Много было шума, волнений, разбирательств, потупленных взглядов и торжественных обещаний. Но и это прошло, как проходит все на свете.

На первой же перемене после возвращения в школу Арье подошел к Лее, прикоснулся к ее руке выше локтя, в том месте, где

особенно нежно просвечивал золотистый пушок, и небрежно произнес:

– Привет! Как дела?

Она вздрогнула, словно укушенная змеей.

– Лея, это я, Арик!

– Привет, – словно очнувшись, сказала она.

– Что ты делаешь сегодня после школы?

– Еще не знаю.

– Можно тебя проводить?

– Попробуй.

До конца уроков Арик задышался от счастья. Оно наплывало волнами, ударяя теплом под ложечку и разбегаясь оттуда электрическими искрами в кончики пальцев, щеки, уши. Иногда он бросал косой взгляд на Лею, и мурашки нежности осыпали его спину.

Она быстро сбежала по ступенькам крыльца, прошла рядом с Ариком, словно не заметив, ловко вскочила на мопед, обхватив за талию сидящего на нем десятиклассника. Тот рванул с места, порыв ветра взметнул на мгновение Леину юбку, обнажив загорелые ноги и белую полоску трусиков.

Арик шел домой, скрипя зубами от злости, чествуя Лею последними словами. Все, в его жизни она больше не существует, он вычеркивает ее из сердца, вытирает толстым упругим ластиком до самой маленькой черточки и смахивает крошки в мусорное ведро. Все, да – все, да – все!

Он действительно больше не подошел к Лее, однако она, похоже, не очень расстроилась. Арик пытался влюбиться в других девочек, но как-то не получалось. После окончания школы они больше не виделись.

С тех пор через его жизнь прошло немало женщин: некоторыми он увлекался не на шутку, с другими просто проводил время. Но ни такой нежности, ни такой ненависти в нем никто не смог пробудить.

– Первая любовь, – говорил сам себе полковник, когда возвращался мыслями в далекую пору школьного тумана. – Что же ты хочешь, на то она и первая...

И вот Лея сидит рядом с ним. Впрочем, какая это Лея! Трепетная мучительница его сердца и нежная царица его ночей осталась

далеко за поворотом, там, где сгущается сумрак времени. К этой женщине она не имеет ни малейшего отношения.

– Слушай, – вдруг спросил полковник, – ты помнишь поход в Неgev? Как мы потерялись и провели вместе ночь. Помнишь?

– Вот дурной, – улыбнулась женщина, и знакомая интонация, словно машина времени, отбросила Арика за поворот. – Нашел что вспоминать! У меня уже трое внуков и две внучки. А у тебя?

– Нет, ты послушай, послушай, – не отступал Арик. Ему вдруг стало очень важно узнать, что же тогда произошло, открыть дверь, которую он когда-то запер собственными руками, а ключ выбросил.

– Почему ты тогда не захотела со мной разговаривать? Тогда, после похода.

– Так ты же пристал прямо посреди класса! Надо мной и так девчонки смеялись, что от ночи в пустыне губы пухнут. Подошел бы в сторонке, как человек. А ты ходил надутый, точно бука, и только глазами сверкал. Дурной, и больше ничего!

Полковник замолчал. Второй раз за сегодня крылья прозрения зашуршали над его головой. Он понял, что во всех женщинах искал ту самую Лею, которую замуровал в своем сердце. Она пряталась в нем, недоступная для глаз, и, посмеиваясь, морочила его, отбрасывая, выбраковывая всех кандидаток на принадлежащее только ей одной место.

– Жена, дети? – не успокаивалась женщина. – А живешь где, по-прежнему в Реховоте?

– Нет, нет, – очнулся полковник. – Ни жены, ни детей. Не сложилось. А живу на базе, в вагончике. Так проще.

Женщина протянула руку и провела по ершику седых волос полковника.

– Бездомный песик! Бедный бездомный песик!

Пошло несколько минут, тягучих и благостных. Из вагончика раздался плач, и несколько детских голосов заспорили, что лучше: сменить подгузник или дать соску.

– Внучка проснулась, – сказала женщина.

– А где же ваши мужчины? – спросил полковник. – Бросили вас?

– Бросили! – возмущенно махнула рукой женщина. – Молодых два дня назад срочной повесткой в армию вызвали. А остальных

оцепление задержало, когда с работы возвращались. Остались только женщины и дети. Да что я тебе говорю, будто сам не знаешь!

– Не знаю, – полковник покачал головой. – Я действительно прямо сейчас из Реховота.

Он помолчал несколько секунд и добавил:

– Что делать будем, Лея?

Она быстро взглянула на него. Было понятно, что этап воспоминаний кончился, и теперь полковник спрашивает ее совсем о другом.

– Будем делать каждый свое дело, – сказала она спокойным голосом. – Я к этой вершине сердцем приросла. Вернее, теперь у меня два сердца, одно в груди, – женщина положила руку на бесформенный холм, выпирающий из балахона, – а второе – вот в этой земле. Я отсюда не уйду.

– Хорошо, – полковник поднялся и пошел к забору. Возле лестницы он обернулся и посмотрел на женщину. Она стояла, прислонясь к стенке вагончика, и глядела на Арика глазами, полными печали и сожаления.

– Я сделаю, что смогу, – произнес он в ее сторону, отвернулся и быстро перелез через забор.

В боку закололо, но не больно, почти не больно.

Полковник подошел к командиру резервистов.

– Бульдозер убери отсюда к чертовой матери, а оцепление перенеси к подножию горы. Вагончики не трогай, пусть бабы сидят себе, пока по мужьям не соскучатся. И воду, воду открой – там целые ясли младенцев.

Он сел в машину, захлопнул дверь и посмотрел на командира резервистов. Вид у того был растерянный.

– Мы не воюем с женщинами и детьми, – сказал полковник. – А с этой «бешеной бабой» я в одном классе учился. Такое может учинить – себе дороже.

Он перевел взгляд на вершину. За колючей проволокой виднелся темный конус женского платья, и полковнику вдруг показалось, будто Лея взмахнула рукой в прощальном приветствии. Куперман поднял стекло, развернул машину и поехал на базу.

Тель-Авив